

В горном лесу Лань Цижэнь и Ся Цзысюнь сидели друг напротив друга. Солнечный свет пробивался сквозь листву, падая на них пятнами золотистого сияния, но на душе у обоих было тяжело и мрачно, словно солнце заслонили грозовые тучи.

Лань Цижэнь нахмурился, рассеянно теребя в пальцах валявшуюся на земле травинку, и глухо, с бессилием в голосе произвел:

— Цзысюнь, клан давит на меня со всех сторон. Хотя я и отстаивал свою правоту, их настрой непреклонен, и боюсь, вряд ли удастся что-то изменить в ближайшее время.

Ся Цзысюнь подняла голову, ее глаза покраснели, в них дрожали слезы, а голос сорвался на хриплые нотки:

— У меня то же самое. Глава и старейшины по очереди уговаривают меня поставить во главу угла секту и отказаться от этих чувств.

С этими словами кристально чистая слеза скатилась по ее щеке.

Лань Цижэнь почувствовал острую боль в сердце. Он протянул руку, нежно вытирая ее слезы, и прижал девушку к груди:

— Цзысюнь, не бойся. Я не сдамся так просто, мы вместе найдем выход.

Ся Цзысюнь прижалась к его груди и слегка кивнула, но на сердце у нее царил полное смятение — она не знала, как преодолеть эту преграду.

Шли дни, и давление со стороны клана Лань становилось все сильнее. Каждый раз, возвращаясь в клан, Лань Цижэнь сталкивался лишь со строгими выговорами старейшин и разочарованным взглядом старшего брата. Клан ограничил его передвижения, запретив тайные встречи с Ся Цзысюнь, и даже заставил участвовать в разнообразных делах, пытаясь лишить его времени на мирские любовные утехы.

В секте Ся Цзысюнь точно так же оказалась в изоляции. Сестры по оружию перестали тепло с ней общаться, от прежней радости и смеха не осталось и следа. Глава и старейшины непрестанно внушали ей мысль о том, что интересы секты превыше всего, заставляя делать выбор между чувствами и долгом перед сектой.

Ся Цзысюнь томилась в муках и отчаянии. Она тосковала по Лань Цижэню, но не смела идти против воли секты. Наконец, после долгой беседы с главой она окончательно сломалась. Тот убедительно и искренне говорил ей, что если она будет упорствовать и останется с Лань Цижэнем, то ее не только изгонят из секты, но это также может спровоцировать конфликт между двумя сторонами, из-за которого пострадают бесчисленные адепты.

Сердце Ся Цзысюнь сжалось от боли, она прекрасно понимала, что глава не сгущает краски. Ради секты, ради этих невинных адептов она решила пожертвовать своей любовью.

Сдерживая душевную боль, Ся Цзысюнь через Талисман Передачи Голоса назначила Лань Цижэнь встречу там, где они встретились впервые. Получив талисман, Лань Цижэнь тайком ускользнул из дома, нарушив запреты клана.

Когда они встретились, глаза Ся Цзысюнь были опухшими и красными — было очевидно, что она долго плакала. Лань Цижэнь почувствовал укол в сердце и уже хотел заговорить, но Ся Цзысюнь опередила его:

— Цижэнь, давай расстанемся.

Лань Цижэнь замер, будто пораженный молнией, и недоверчиво посмотрел на нее:

— Цзысюнь, что ты говоришь? Разве мы не договорились встречать все невзгоды вместе?

Ся Цзысюнь закусила губу, и из ее глаз снова брызнули слезы:

— Цижэнь, я не могу позволить из-за моих чувств секте погрузиться в кризис, и не могу позволить тебе стать врагом собственного клана. У нас нет будущего. Лучше покончить с этим сразу, чем затягивать мучения.

Лань Цижэнь шагнул вперед и крепко сжал ее руки:

— Цзысюнь, мне плевать на возражения клана! Мы можем улететь далеко-далеко, в место, где нас никто не знает.

Ся Цзысюнь мягко высвободила руки и покачала головой:

— Цижэнь, не глупи. На нас обоих висят узы и ответственность, как мы можем просто так все бросить?

Глядя на непреклонный взгляд Ся Цзысюнь, Лань Цижэнь чувствовал, как последняя искорка надежды в его сердце угасает. Он знал, что Ся Цзысюнь приняла твердое решение, и любые уговоры будут бесполезны.

С неба внезапно закапал мелкий дождик, словно само небо оплакивало их любовь. Глядя, как фигура Ся Цзысюнь постепенно растворяется в дождливой пелене, Лань Цижэнь подкосился в ногах и рухнул на землю. Дождь смешивался со слезами, стекая по его лицу, а сердце словно разорвало на мириады осколков.

Вернувшись в клан Лань, Лань Цижэнь заперся в Тихой Комнате. Он ничего не ел и не пил, полностью погрузившись в боль утраты. Его мир будто лишился красок, став тусклым и серым. Целыми днями он тупо смотрел на стену, а в голове крупница за крупницей всплывали воспоминания о времени, проведенном с Ся Цзысюнь, — и теперь эти прекрасные воспоминания превратились в самое острое лезвие, раз за разом кромсавшее его сердце.